

Стража в черных одеждах ждала снаружи. Мо Ин шмыгнул носом и отпустил И Цунчжоу.

— Ступай скорее, — прошептал он, и в его голосе, обычно звонком, слышались глухие, простуженные нотки. — Всё будет хорошо.

И Цунчжоу проводил его взглядом, размышляя: что же произошло за ту короткую палочку благовоний, что они провели наедине?

Он нахмурился, схватил пришедшего в себя Чи Линя и, отвесив тому пару пинков, окончательно привел в чувство.

Тот выглядел ошарашенным и глупо улыбался — добиться от него чего-либо было невозможно. И Цунчжоу вышел за дверь и направился в главный зал.

Обстановка во дворце Дунхуа почти не изменилась, чиновники выстроились в прежнем порядке.

Юань Цзяоянь сразу заметил покрасневшие глаза Мо Ина, и его неизменная, едва заметная улыбка на мгновение исчезла. Он бросил на Чи Линя взгляд, полный нескрываемой жажды убийства.

— Продолжим обсуждение, — голос императора прозвучал твердо. Перед лицом столь бурных эмоций даже социальная неловкость отступила на второй план.

Мо Ин холодно уставился на Чи Линя:

— Господин Чи, так что же вы скажете? Как вы намерены поступить с генералом Чанпином?

Чиновники переглянулись, не веря своим ушам. Все до единого ощутили, как по спине пробежал холодок.

Ван Си со стражей выступил вперед и уволок Чи Хоудэ прочь.

Мо Ин достал из-за пазухи бумагу и потряс ею перед лицом всех присутствующих:

— Чи Линь, угадай, что это? Кое-кто подбросил мне этот список твоих преступлений. Хочешь, чтобы я зачитал его вслух?

— Гм, разумно.

Сюэ Чжунго, у которого после летнего пира затеплилась было надежда на перемены к лучшему, услышав это, с тяжелым вздохом опустил голову. Без защиты Чи Хоудэ никто не осмелился бы заступиться за Чи Линя. Потеряв опору, тот легко признается во всем, даже при отсутствии прямых улик.

Отец Чи Линя, Чи Хоудэ, тяжело закашлялся. Старый сановник, некогда удостоенный императорской милости не вставать на колени, теперь дрожал, опускаясь на пол.

Чи Линь, заливаясь слезами и соплями, впал в истерику, пытаясь оправдаться:

— Это не я, это не я, Ваше Величество...

Он завыл:

— Ваше Величество, преступный слуга осознал свою вину! Все это заставил меня сделать Чи Линь! Он обладал такой властью, как я мог послушаться?

— Расследовать, разумеется, будем, — отрезал Мо Ин.

Чи Линь полагал, что император просто пытается его запугать, но эти слова обрушились на него, словно гром среди ясного неба, и он бессильно рухнул на пол.

Зал охнул. И Цунчжоу резко поднял голову.

Мо Ин не спеша произнес:

— Погодите. Прежде чем судить генерала Чанпина, господин Чи, не пора ли и ваши грехи припомнить?

Чи Линь, еще минуту назад уверенный в своем триумфе, выкрикнул:

— Стража! Взять генерала Чанпина!

Гнев Мо Ина достиг предела. Он ударил по столу и встал.

Окружающие несколько раз трянули Чи Линя, прежде чем тот окончательно очнулся от наваждения:

— Ваше Величество, согласно законам, его следует заключить в тюрьму приказа Тинвэй для личного дознания судьи!

Человека поволокли к выходу, по пути «вразумив» тумаками, чтобы вел себя смирно.

Мо Ин опустил пожелтевший лист бумаги, скрывая его от глаз прислуживающих евнухов, и медленно проговорил:

— Месяц назад в Павильоне Тяньсян вы встретились с чиновником Чжоу Тяньжуном. Тот передал, что, согласно вашему приказу, продовольствие для армии генерала Чанпина было заменено на гнилое и заплесневелое, причем доставлено оно было в самый последний момент.

Сюэ Чжунго и другие верные престолу сановники от волнения едва заметно дрожали.

— Стража! — Мо Ину было тошно смотреть на Чи Линя, к тому же силы были на исходе, голова кружилась, и он едва выговорил: — Чи Линя и Чжоу Тяньжуна — под стражу. Завтра вернемся во дворец, передайте их судье Тинвэй для тщательного разбирательства. Я сам решу этот вопрос, пусть судья доложит мне о результатах напрямую.

Чи Линь, сам того не ведая, подтвердил их вину.

— В-Ваше Величество, вы губите меня! — Чи Линь не помнил о ритуале жертвоприношения

души, поэтому был в ужасе. — Я всегда был предан вам, трудился во благо народа, умоляю, расследуйте это дело беспристрастно!

Стража в черных одеждах подошла, чтобы увести его. Чи Линь кричал и бился в истерике, пока голос не сорвался. Начальник стражи, которому он надоел, прошипел:

— Заткнись! Не то до суда в тюрьме тебе так достанется, что мало не покажется!

Чжоу Тяньжун, который больше всех раздувал пламя вражды, дрожа, опустился на колени. Через мгновение лужа пота натекла там, где он бился лбом об пол.

Под тяжестью страха он не мог соображать и лепетал бессвязно:

— Ваше Величество, не слушайте этого подлеца Чжоу Тяньжуна! Ваше Величество, дело вовсе не в провианте, это он сам подменил его, я здесь ни при чем, он просто хочет утянуть меня на дно!

— Похоже, слушать он все-таки хочет, — Мо Ин никогда раньше не произносил столько слов перед чужими людьми, но даже сейчас гнев продолжал жечь его изнутри.

— О ком вы? Ваше Величество, не слушайте наговоров злодеев!

Юань Цзяюань, не мигая, смотрел на Мо Ина, поглаживая подбородок с таким видом, будто происходящее доставляло ему огромное удовольствие.

Сюэ Чжунго, чьи глаза сияли, невольно сделал шаг вперед.

В зале стояла тишина, но слова Мо Ина эхом отдавались в сердцах каждого.

Чжоу Тяньжун тоже был из знатного рода, и, несмотря на зависимость от Чи Линя, в нем жила гордость аристократа. Он не мог стерпеть, чтобы на него выливали грязь, особенно когда речь шла о преступлении, караемом смертью. Император был настроен решительно, и если Чжоу сделают козлом отпущения, это грозило истреблением всего его клана.

— Чи Линь, ты слышал крики воинов на поле боя? Каждое слово — кровь и боль! Ты, палач, заслуживающий тысячи смертей, какое право имеешь плакать? Тысячи погибших солдат — разве они плакали? Женщины и дети, униженные врагом — разве они плакали? А те старые матери, что ждут возвращения сыновей — разве ты слышишь их плач?

Каждое слово било наотмашь.

В чем он ошибся? И Цунчжоу — всего лишь неудачник, потерявший семью. Солдаты низкого происхождения, мертвы — ну и пусть, в государстве Чэн полно таких дешевых простолюдинов. Кто позаботится о покое приграничных жителей? Если винить кого-то, то только их самих — родились в гиблых местах, так и должны терпеть ужасы войны.

Мо Ин взглянул на бумагу:

— О том, что ты передал вражеским лазутчикам сведения о передвижении генерала Чанпина, мне сказать или ты сам признаешься?

Мо Ин отчетливо увидел злобу в его глазах.

Этот негодяй, погубивший столько солдат и косвенно виновный в гибели мирных жителей, даже перед лицом допроса не раскаялся! Безнадежен!

— Канцлеру не нужно вставать на колени, и просить за него тоже не стоит. Ван Си, проводи Канцлера отдохнуть, он стар и нуждается в покое.

И Цунчжоу в опасности.

Голова Мо Ина гудела. Он то гадал, не предал ли его Чжоу Тяньжун, то думал, станет ли его отец Чи Хоудэ просить за него — мысли превратились в кашу.

Такой мерзавец, погубивший своих же соотечественников, достоин лишь всеобщего презрения.

Мо Ин был на пределе, голос его становился все тише:

— У кого-то из господ есть еще дела для доклада?

Никто не осмелился нарушить тишину — такой переворот еще предстояло осознать, и никто не хотел сейчас попадаться под горячую руку императору.

— Тогда разойдемся.

Он не мог даже стоять, сел в кресло, устало массируя виски, и спрятал бумагу за пазуху.

Юань Цзяоянь сделал шаг.

Но И Цунчжоу оказался быстрее.

Камешек, брошенный сзади, полетел в голень Юань Цзяояня. Тот ловко увернулся, но этой секунды хватило И Цунчжоу, чтобы обогнать его и оказаться рядом с Мо Ином.

Мо Ин, заметив его краем глаза, вымученно улыбнулся:

— Ты пришел.

И Цунчжоу тер руки в рукавах, сжимая и разжимая кулаки, затем медленно протянул ладонь.

С другой стороны Ван Си тоже протянул руку:

— Ваше Величество, вы утомились? Позвольте слуге проводить вас в покои.

Взгляд И Цунчжоу, подобно молнии, вонзился в Ван Си. На мгновение тому показалось, что он оказался в окружении диких зверей — он замер, боясь даже вздохнуть.

Мо Ин не двигался, и И Цунчжоу протянул руку дальше.

Тонкие, бледные пальцы легли на его предплечье, и одним движением И Цунчжоу помог императору подняться.

— Я хочу поговорить с тобой, — прошептал Мо Ин едва слышно.

И Цунчжоу позволил ему опереться на свое плечо:

— Тогда пойдем ко мне.

Мо Ин слегка кивнул и распорядился:

— Ван Си, я иду к генералу Чанпину обсудить дела. Следи за дверью, никого не впускать.

— А как же я? Маленький Бамбук, слово «никто» включает и меня? — Юань Цзяоянь, не спеша, встал сбоку, перекрывая путь И Цунчжоу.

Они встретились взглядами — в глазах обоих не было ни капли тепла.

У Мо Ина раскалывалась голова. В другое время он бы обязательно съязвил, но сейчас не было сил даже на спор. Мудрый человек умеет уступать, тем более он уже просил его о помощи — пусть лучше этот тип исчезнет, чтобы он мог отдохнуть.

Он протянул руку из рукава и слегка потянул Юань Цзяояня за край одежды.

Он легонько дернул его и прошептал:

— Дядюшка, позволь мне отдохнуть, ладно?

Его голос и в обычные дни звучал мягко, но сегодня в нем было столько нежности, что устоять было невозможно.

Юань Цзяоянь считал себя непробиваемым, но в этот момент даже самый твердый лед начал таять.

— Отдых — это хорошо. Если хочешь отдохнуть, можешь пойти и ко мне. Кстати, мы с тобой, племянник, еще ни разу не сидели за беседой до рассвета.

И Цунчжоу плотно сжал губы.

Беседовать с этим извращенцем? Мо Ин выпустил рукав Юань Цзяояня, но тот перехватил его запястье, пытаясь удержать.

— Ваше Величество! — раздался громкий мужской голос. Сюэ Чжунго протиснулся между ними.

Юань Цзяоянь помедлил и отпустил руку.

— Ваше Величество, у меня вопрос. Не просветите ли вы старика? Кто именно прислал вам это донесение и известны ли ему другие подробности?

Ну конечно, он сам, ваш скромный господин.

Мо Ин, разумеется, не мог раскрыть свою личность:

— Господин Сюэ, не стоит спрашивать. Есть еще много нитей, которые нужно распутать. В подходящее время я... я все вам объясню.

— Хорошо, хорошо! — Сюэ Чжунго, полный сил, обеспокоенно добавил: — Берегите себя, Ваше Величество. Если чувствуете недомогание, позовите лекаря.

— Не нужно.

— Тогда ступайте отдыхать! Вы промокли под дождем на церемонии жертвоприношения, как бы не простудиться. Ваше здоровье — это залог благополучия государства и покоя народа.

Его искренняя забота была видна невооруженным глазом.

И Цунчжоу повел Мо Ина вперед. Юань Цзяоянь, не став больше препятствовать, провожал их взглядом, словно затаившийся зверь, ожидающий момента для броска.

И Цунчжоу был лишь чиновником третьего ранга, к тому же военным, поэтому не мог ехать в императорской карете и сопровождал ее снаружи. Дождь не прекращался. Юэ Ли попытался было уговорить И Цунчжоу пересест в другую повозку, но, встретив холодный взгляд, поспешно замолчал.

Когда они прибыли, Ван Си хотел было отдернуть занавеску, но И Цунчжоу схватил его за шиворот и отшвырнул в сторону.

Выводя императора, он заметил, что дыхание Мо Ина стало еще слабее, а шаги — тяжелее. Войдя в пустые покои, И Цунчжоу, не колеблясь, подхватил его на руки и бережно уложил на кровать.

Ливень заглушал все звуки мира, но не мог унять бешеный стук сердца.

Постояв пару мгновений в тишине, И Цунчжоу наклонился и осторожно снял с Мо Ина верхнюю одежду и маску.

Увидев его лицо, он замер.

Мо Ин был бледнее смерти, губы, обычно яркие, потеряли всякий цвет, на лбу выступили капельки пота, волосы прилипли к коже.

Он крепко зажмурился, дрожа всем телом — то ли от холода, то ли от болезни, словно был на грани истощения.

— Ваше Величество, — позвал И Цунчжоу.

Мо Ин с трудом приоткрыл глаза. Увидев, что это он, выдохнул:

— Цунчжоу.

Он лизнул пересохшие губы.

И Цунчжоу поспешно налил чаю и, поддерживая его, осторожно напоил.

Мо Ин продолжил, каждое слово давалось ему с трудом, ресницы подрагивали:

— Не тревожься о вчерашнем. Пока я здесь, этого не повторится. Я пришел поздно, ты столько вынес... Не смог защитить солдат и народ, я знаю, как тебе горько...

Горло его перехватило, и из глаз покатались слезы.

И Цунчжоу замер.

Слезы лились беззвучно. Мо Ин был настолько изможден, что, закрыв глаза, уснул, даже не успев стереть следы на щеках.

До полудня было еще далеко, но небо оставалось темным, словно ночью, лишь редкие вспышки молний освещали его лицо, напоминающее нефритовую статуэтку.

Хрупкий, но до боли прекрасный.

Гром нарушал покой.

И Цунчжоу протянул руку и, не колеблясь, смахнул слезы с его щеки.

Оказывается, его кожа такая нежная и горячая. Как же его зовут?

Испугавшись собственных мыслей, И Цунчжоу помрачнел и поднялся. Но стоило ему отстраниться, как Мо Ин ухватил его за руку.

Он прижался к руке И Цунчжоу, потерся о нее щекой и перевернулся на другой бок.

Из-за пазухи выпал сложенный в несколько раз лист бумаги.

Это то самое донесение, о котором он говорил в зале?

И Цунчжоу развернул его. Лист был исписан плотным, неровным почерком. Имена, названия мест, основные события — все вперемешку.

Почерк был небрежным, но читаемым. Помимо Чжоу Тяньжуна, там были еще десятки людей, ключевых фигур в сети Чи Линя.

И Цунчжоу внимательно вчитывался — там были данные, о которых он сам даже не подозревал.

Маленький листок содержал информацию, способную потрясти основы государства.

К концу записи почерк становился все более неразборчивым, а чернильных пятен — больше, словно автор либо сомневался, либо был слишком взволнован. В самом низу тянулся длинный след чернил, будто у пишущего дрогнула рука.

И Цунчжоу принялся — от бумаги исходил свежий запах туши.

Он поднял правую руку Мо Ина — на мизинце виднелись следы черной туши.

Когда Чи Линь вошел в покои Мо Ина, он был не в себе.

Император — не настоящий, а демон. Должно быть, он применил особые методы, чтобы развязать Чи Линю язык и получить сведения.

Но цена, которую он за это заплатил, была огромна.

Такая слабость и сонливость — совсем не то, что было раньше, когда он шумно требовал потрогать его рога. Кто знает, не пострадал ли он изнутри?

Стоило ли оно того?

Лишь ради обещания «не дать тебе пострадать»?

Воздух после ливня был сырым, но на сердце словно повеяло прохладным ветром.

И Цунчжоу спрятал бумагу и попытался высвободить руку, но Мо Ин держал его крепко, и стоило И Цунчжоу пошевелиться, как его брови хмурились.

Он снова сел.

Тревога Мо Ина не утихала.

Почему он так беспокоен? Может, потому что это не императорское ложе и ему неудобно?

И Цунчжоу привык к пренебрежению, и его покои в летнем дворце были весьма скромными. Годы войны приучили его ко всему, и он не придавал значения бытовым условиям.

Он вытащил край одеяла, подложил его вместо своей руки, чтобы Мо Ин обнимал его, и бесшумно вышел наружу.

Свистнул — и из темноты появился его заместитель Юэ Ли.

— Генерал, какие будут приказы?

— Сходи в покои Осеннего Солнца и укради одеяло императора. Только не разбуди Стражу в черных одеждах.

— Разве это не само собой разумеется? Мы уже все сделали, а стража до сих пор спит. Что-что, одеяло? — его глаза округлились. — К-какое? Императорское? Генерал, зачем?

Это... это вообще то, что он должен делать? То, что он должен слышать? Это же безумие!

И Цунчжоу холодно бросил:

— Быстро.

<http://bllate.org/book/18645/1796312>